

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

№ 4254.

Воскресенье, 12го апрѣля 1898 г.

№ 4254.

Изъ Теофиля Готье.

— Въ беззвѣздномъ эфирѣ луну
Скрылъ облачный дымъ;
Намъ ночь обѣщаетъ покровъ,—
Бѣжимъ, бѣжимъ!

* * *

— „Но развѣ тебя не страшить
Гнѣвъ цѣлой семьи?
Въ тоскѣ твой отецъ проклянетъ
Сѣдины свои!“

* * *

— Что значать проклятья и гнѣвъ
Предъ чувствомъ моимъ!?
Я только тобою дышу...
Бѣжимъ, бѣжимъ!

* * *

— „Но я не могу убѣжать:
Страхъ сердце сковаль,
Какъ будто я чую въ груди
Холодный кинжалъ!“

* * *

Безлюдныхъ и дикихъ пустынь
Несносна жара:
Тамъ тѣни не будетъ для насъ,
Не будетъ шатра!“

* * *

— Въ тѣни моихъ черныхъ волосъ,
Отъ зноя хранимъ,
Ты сладко уснешь, какъ въ шатрѣ:
Бѣжимъ, бѣжимъ!

* * *

— „А если прозрачный миражъ
Путь скроетъ кругомъ!?
Въ пустынь тогда безъ воды
Мы завтра умремъ!“

* * *

— О, если не будетъ воды,—
Восторгомъ своимъ,
Слезамъ тебя напою:
Бѣжимъ, бѣжимъ!

А. Владиміровъ.

Графъ ПАВЕЛЪ ПАВЛОВИЧЪ ШУВАЛОВЪ,
И. д. одесскаго градоначальника.

(Съ фотографіи Левинскаго въ Спб.).—Автопія „Од. Нов.“.

КРАЖА.

РАЗСКАЗЪ АЛЬФОНСА ДОДЭ.

(Съ французскаго).

Кто положилъ ее сюда? Дьяволъ-ли, съ цѣлью искушенія, сдѣлалъ это, или то были просто деньги, предназначенныя въ уплату за урокъ учителю музыки? Какъ бы то ни было, она была тутъ, на каминѣ въ гостиной—эта монета, и я замѣтилъ ее въ среду утромъ, уходя въ классъ. Моя первая мысль при видѣ ея не была дурною мыслью. Я просто сказалъ себѣ:

— Ба!.. Сорокъ су!..

Это была большая, уже цѣсколько потерявшая, но еще красивая монета, мягко блестящая на малиновомъ бархатѣ каминной доски. Безъ всякаго дурного намѣренія я взялъ ее въ руки. Тотчасъ-же магическое дѣйствіе серебра начало сказываться. Для 13-лѣтняго мальчика, какимъ я былъ тогда, сорокъ су были огромною суммою, и я внезапно почувствовалъ, какъ во мнѣ загорѣлось столько желаній, сколько было су въ этой большой серебряной монетѣ,—цѣлый океанъ желаній и искушеній.

Я думалъ:

«Сколько катаній на лодкѣ можно устроить за эти сорокъ су!..» Лодки были въ это время моею страстью. Проводить все послѣобѣденное время на водѣ, въ старомъ портѣ, среди рыбацкихъ лодокъ, въ дыму, вырывающемся изъ паровыхъ трубъ, въ суматохѣ всевозможныхъ криковъ, приказовъ, призывовъ и обрывковъ пѣсенъ, раздающихся съ высоты мачтъ; тихо плыть мимо военныхъ фрегатовъ, чистыхъ и элегантныхъ, какъ новыя, только-что надѣтый мундиръ, или качаться въ своей лодкѣ въ тѣни какого-нибудь громаднаго судна, молчаливаго и заснувшаго съ единственными живыми существами на борту, въ видѣ цыофаундлендскаго водолаза, который въ позѣ блительнаго часового опирается передними лапами на рѣшетку; бѣгать голыми ногами по мокрой палубѣ, взбираться на мачты, любоваться ловлею раковъ и потомъ возвращаться къ ночи домой пропитаннымъ запахомъ смолы и дегтя, съ чувствомъ усталости, какъ бы отъ долгаго путешествія,—большаго счастья для меня не было тогда на свѣтѣ. Но это счастье стоило дорого. Чтобы набрать десять су на паемъ лодки—при моемъ еженедѣльномъ доходѣ въ два су, который давала мнѣ мать,—надо было въ теченіе долгаго времени лишать себя всего, разсчитывать, экономичать до послѣдней степени.

Такимъ образомъ, эта красивая серебряная монета, свѣтлая и круглая, произвела на меня впечатлѣніе волшебнаго фонаря, сначала маленькаго, но разрастающагося по мѣрѣ того, какъ я на нее смотрѣлъ, и воскрешавшаго передъ моимъ очарованнымъ взоромъ эти чудныя картины: старый портъ, корабельныя мачты, густымъ лѣсомъ возвышавшіяся надъ набережною, и маленькія паемныя лодки, качающіяся на глубокой и темной водѣ. Видѣніе было такъ ясно, такъ манило къ себѣ! Я принужденъ былъ закрыть на мгноveníе глаза.

Въ теченіе цѣсколькихъ минутъ я стоялъ неподвижно у каминна, сжимая въ рукѣ мо-

нету, которая жгла мнѣ пальцы. Такія минуты не забываются,—сладостно мучительныя ощущенія соблазна, ощущенія чловѣка, впервые совершающаго кражу. Не смѣйтесь! Это ощущеніе не ребенка, а преступника. Потрясенное ужасною душевною борьбою, все мое маленькое дѣтское тѣло дрожало, какъ въ лихорадкѣ. Въ ушахъ шумѣло. Я явственно слышалъ бѣненіе моего сердца, звучавшее на перебой съ тиканьемъ часовъ. Въ концѣ концовъ, чувство долга, уже дававшее себя знать въ моей дѣтской душѣ; мысль о моихъ родителяхъ; вся атмосфера честнаго семейнаго дома, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумеется, и страхъ наказанія, и мысль объ ожидающемъ меня униженіи, если мое преступленіе будетъ открыто,—все это побѣдило, оказавшись сильнѣе страсти и искушенія. Я положилъ монету назадъ на мѣсто, откуда я ее взялъ. Только... о, надо все сказать!.. только—невольнымъ, необдуманымъ, но навѣрное самимъ дьяволомъ внушеннымъ мнѣ движеніемъ я подсунилъ ее дальше подъ стоявшіе на каминѣ часы,—такъ, чтобы ее не могли болѣе видѣть и сочли пропавшей.

Съ этого момента воровство можно было считать совершившимся. Я не могъ въ этомъ сомнѣваться. Возмущенная совѣсть негодующе кричала въ моемъ сердцѣ: «воръ! воръ!..» Кричала такъ громко, что всѣ, казалось, должны были бы слышать этотъ крикъ. Въ гимназій я въ это утро совершенно не могъ заниматься. Напрасно я затыкалъ себѣ уши, охватывалъ руками голову и устремлялъ глаза въ открытую передо мною книгу: я не видѣлъ въ ней ничего, кромѣ тѣхъ неопредѣленныхъ свѣтовыхъ тѣней и полосъ, которыя остаются у насъ въ глазахъ, когда слишкомъ долго смотришь на какой-нибудь блестящій предметъ.

Преступленіе было совершено! Я зналъ это по тѣмъ угрызениямъ совѣсти, которыя испытывалъ. У меня какъ будто физически сжималось сердце. Меня мучили смущеніе, стыдъ; я чувствовалъ потребность въ одиночествѣ. Минутами, отбиваясь отъ этихъ молчаливыхъ упрековъ моего лучшаго я, я готовъ былъ громко крикнуть: «Замолчи... Я ничего дурнаго не сдѣлалъ... Оставь меня въ покоѣ... Я увѣренъ, что ее найдутъ, эту монету въ сорокъ су».

И однако, успокаивая себя такимъ образомъ, я не безъ внутренняго удовлетворенія вспоминалъ, что часы у насъ заводили только разъ въ двѣ недѣли, и что въ нашу гостиную—щепетильно чистенькую, наводненную и постоянно запертую, какъ игрушечная табакерка, провинціальную гостиную—за всю недѣлю входили только разъ, въ понедѣльникъ, во время моего урока музыки. Вечеромъ моей первой заботой было удостовѣриться, не исчезла-ли моя монета. Я пробрался въ гостиную и ощупью, въ темнотѣ обшарилъ каминную доску. Монета была тамъ на старомъ мѣстѣ, подъ часами. У меня не было духу взять ее, еще менѣе—сказать своимъ родителямъ: «она здѣсь, она не пропала». Рѣшительно, я былъ уже воромъ!

Весь вечеръ я былъ крайне возбужденъ. Моей головы ни на минуту не покидала мысль о четвергѣ, который неминуемо приближался, мысль объ отпускѣ, лодкахъ и старомъ портѣ. Какъ бы охваченный лихорадкой, я былъ особенно болтливъ; въ моемъ голосѣ слышалась какая-то особенная звучность, которая стѣсняла меня самого. Дважды или трижды мать устремляла на меня встревожен-

ный и недоумѣвающий взглядъ, какъ бы молчаливо спрашивавшій меня: «Что съ тобою?» Тогда я краснѣлъ, какъ уличенный во лжи, и во мнѣ поднималось желаніе упасть передъ матерью на колѣни и рассказать ей все.

Но я этого не сдѣлалъ. Пришла ночь. Противъ ожиданія я спалъ довольно спокойно. Такого значенія увѣренности въ безнаказанности! Теперь, когда я знаю, что могу, когда захочу, взять эти два франка безъ всякой опасности быть открытымъ, потому что всѣ считаютъ монету пропавшею, моя совѣсть была спокойна и не мѣшала мнѣ видѣть во снѣ мой завтрашній праздникъ. До самаго утра мнѣ спались мачты стараго порта; а тамъ, дальше, у входа въ него, безконечное синее, сверкающее на солнцѣ море улыбалось мнѣ во снѣ тысячами своихъ спокойныхъ волнъ.

На другой день, тотчасъ послѣ завтрака, я незамѣтно проскользнулъ въ гостиную. Тутъ, передъ самымъ каминомъ я долженъ былъ вывести послѣднюю пытку. Въ сосѣдней комнатѣ говорили; я боялся, чтобы кто-нибудь не вошелъ. Сколько времени провелъ я тутъ, у каминна, на самомъ краю преступной бездны, то протягивая, то отдергивая руку,—я не помню. Но я до сихъ поръ не забываю того блѣднаго, напряженнаго, искаженнаго дѣтскаго лица, которое все это время смотрѣло на меня изъ каминнаго зеркала пылающими глазами звѣря, притаившагося въ засадѣ и готоваго броситься на свою жертву... Но вотъ, наконецъ, голоса въ сосѣдней комнатѣ замолкли. Я быстро схватилъ монету и выбѣжалъ сначала изъ гостиной, а затѣмъ и изъ дома.

Погода въ четвергъ выдалась чудная,—для меня это было то-же воскресенье только безъ меланхолическаго звона церковныхъ колоколовъ и безъ скучныхъ обязательныхъ воскресныхъ прогулокъ разряженныхъ и надутыхъ семей. Боясь, чтобы меня кто-нибудь не задержалъ, я быстро шелъ по направленію къ порту, предвкушая предстоявшія мнѣ наслажденія. Горе тому, кто вздумалъ бы тогда остановить меня! О, когда кто-нибудь уже совершилъ кражу, какъ легко ему рѣшиться и на убійство!.. Я бѣжалъ къ порту и съ наслажденіемъ прислушивался къ звону, который производила у меня въ карманѣ двухфранковая монета, ударяясь о мѣдную въ 10 сантимовъ, которую я, по обыкновенію, получилъ въ это утро отъ матери. Эта музыка опьяняла, окрыляла меня. Ни тѣни угрызений совѣсти! Веселый, улыбающійся, раскраснѣвшійся отъ бѣга, я весь отдавался наслажденію.

Вдругъ, возлѣ одного портика храма, меня остановила протянутая рука нищенки. Былъ ли я тронутъ ея жалкимъ видомъ, блѣдностью ея изможденнаго лица, или больнымъ видомъ ребенка, котораго она держала на лѣвой рукѣ, или я, скорѣе, уступилъ той потребности сдѣлать добро, которая часто охватываетъ преступника послѣ совершенія имъ преступленія,—или, какъ маленькій суевѣрный южаникъ, я хотѣлъ искупить свой грѣхъ и умиловить судьбу,—какъ бы то ни было, я вытащилъ изъ кармана мою 10-ти-сантимовую монету и бросилъ ее нищенкѣ, которая начала разсыпаться передо мною въ выраженіяхъ благодарности.

Сначала я не обратилъ вниманія на необычайную горячность, съ которой выражалась эта признательность; но не успѣлъ я, отойдя отъ церкви, пройти и двухъ улицъ, какъ ужасная мысль мелькнула у меня въ головѣ: «Боже мой!.. Неужели?..»

Я сунулъ руку въ карманъ и вытащилъ оттуда оставшуюся монету. И я почти зарычалъ отъ бѣшенства: у меня осталась только мѣдная монета. Двухъ франковъ не было, — я отдалъ ихъ по ошибкѣ нищенкѣ.

А лодки были такъ близко!.. Мачты кораблей уже видѣлись изъ-за домовъ!.. О, вы никогда не испытывали ничего подобнаго тому гнѣву и отчаянію, которыя бушевали въ моемъ сердцѣ.

Я бросился назадъ, къ церкви. Я говорилъ себѣ: «Я найду ее, найду... Я скажу ей, что я ошибся, что это не мои деньги. Если она не захочетъ отдать ихъ, я позову полицію и прикажу арестовать ее, какъ воровку!» Да, я называлъ ее воровкою! Я имѣлъ эту наглость!

Но гдѣ же, гдѣ была моя нищенка! Напрасно я обѣгалъ всѣ портики церкви, всѣ ближайшія улицы и переулки, — ея нигдѣ не было. Получивъ два франка, она прямо вернулась домой, сразу обезпечивъ себѣ дневной заработокъ. Ея «день» былъ конченъ.

Съ нимъ окончился и мой!

Растерянный, убитый, я вернулся домой. Я не зналъ, что мнѣ дѣлать; я былъ самъ не свой. Я бросился на шею своей матери и, обливаясь слезами, — въ которыхъ, однако, было больше гнѣва, чѣмъ стыда, — я признался ей во всемъ.

Такъ, говорятъ, часто воръ, которому не удалось его дѣло, идти, взбѣшенный неудачею, и самъ, — на зло чему то, — признается во всемъ правосудію.

Памятникъ кн. Бисмарку

въ гор. Цвикау (Германія).

1-го апрѣля (по новому стилю), въ 83-ю годовщину дня рожденія Бисмарка, ему открытъ памятникъ въ г. Цвикау, воспроизводимый нами въ настоящемъ номерѣ.

Творецъ этого замѣчательнаго монумента, Иосифъ Дришлеръ, получилъ образованіе въ мюнхенской академіи художествъ. Въ шестидесятихъ годахъ онъ, по порученію австрійскаго военнаго министерства, исполнилъ для вѣнскаго арсенала рядъ статуй извѣстѣйшихъ австрійскихъ генераловъ. Въ 1867 г. онъ, по приглашенію правительства Соединенныхъ Штатовъ, пріѣхалъ въ Америку, гдѣ долго работалъ надъ статуями для вашингтонскаго парка и монументомъ генерала Скотта. Цѣлыхъ десять лѣтъ затѣмъ онъ посвятилъ созданію памятника Георгу Вашингтону для г. Филадельфіи. Возвратившись въ Германію, онъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ скульпторомъ, профессоромъ Симмерингомъ, работалъ надъ памятниками Греффе, Лютеру и лейпцигской статуей Побѣды. Почетная извѣстность, которую онъ приобрѣлъ всѣми этими работами, доставила ему честь исполненія памятника величайшему изъ государственныхъ людей Германіи.

Статуя, изъ литой бронзы, на гранитномъ постаментѣ, имѣетъ три метра въ вышину и изображаетъ канцлера въ кирасирскомъ мундирѣ и открытомъ плащѣ, изъ-подъ котораго на широкой груди видѣются орденская лента и Желѣзный Крестъ. Лѣвой рукой канцлеръ опира-

ется на эфесъ палаша; правая-же держитъ актъ объ основаніи Германской имперіи. Вся фигура какъ нельзя лучше передаетъ спокойное величіе и желѣзную энергію оригинала. Въ особенности превосходно исполнена гордо запрокинутая,

трудной задачей для самыхъ талантливыхъ скульпторовъ является болѣе или менѣе точная передача могучей фигуры Бисмарка въ достойномъ его монументѣ. Статуя Дришлера является едва-ли не первымъ памятникомъ желѣзнаго канцле-

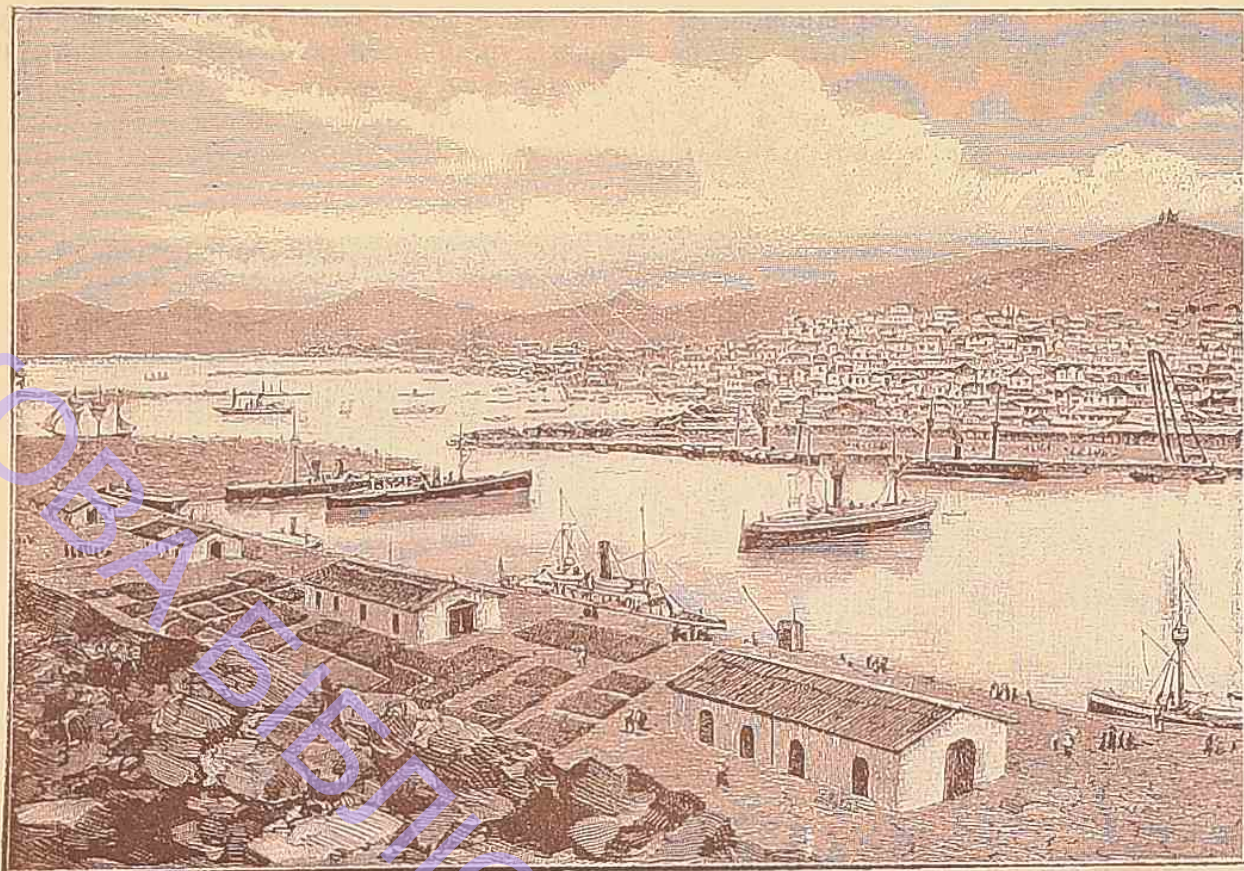

Памятникъ кн. Бисмарку въ г. Цвикау. (Цинкографія „Одесс. Нов.“).

мощная голова съ повелительнымъ взглядомъ суровыхъ глазъ.

На многочисленныхъ конкурсахъ въ Германіи и въ особенности на большомъ берлинскомъ состязаніи 1895 г. съ совершенной ясностью обнаружилось, какой

самымъ счастливымъ образомъ удовлетворяющимъ тѣмъ строгимъ требованіямъ, какія вѣмцы предъявляютъ къ художественному произведенію, призванному увѣковѣчить черты объединителя Германіи.

Портъ-Артуръ, присоединенный къ Россіи по договору съ Китаемъ.

Цинкографія „Одес. Нов.“.

Порты Артуръ и Талиенвань.

Пекинское соглашеніе предоставило Россіи порты—Артуръ и Талиенвань съ соответствующими территориями и воднымъ пространствомъ, при чемъ послѣдній изъ этихъ двухъ портовъ будетъ открытъ для коммерческихъ флотовъ цѣлаго свѣта и въ непродолжительное время сдѣлается торговымъ центромъ. Ему предстоитъ великая и блестящая будущность. Можно сказать, что, какъ Портъ-Артуръ предстоитъ стать восточно-русскимъ Севастополемъ, такъ Талиенвану, можетъ быть, суждено обратиться въ восточно-русскую Одессу.

Пекинское соглашеніе составлено такъ, что оно удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ Россіи и вмѣстѣ не только не нарушаетъ, но даже обеспечиваетъ неприкосновенность верховныхъ правъ Китая.

Но главное, мировое значеніе пекинскаго договора заключается въ томъ, что русско-китайскія дружественныя отношенія дали возможность открыть новые широкіе горизонты для успѣховъ мирной человѣческой культуры.

Отнынѣ на Тихомъ океанѣ созданъ новый обширный центръ для торговыхъ и промышленныхъ предпріятій всѣхъ

Генераль-лейтенантъ Николай Ивановичъ Гродековъ, назначенный Пріамурскимъ генераль-губернаторомъ.

Цинкографія „Одес. Нов.“.

культурныхъ государствъ при посредничествѣ великой Сибирской магистрали.

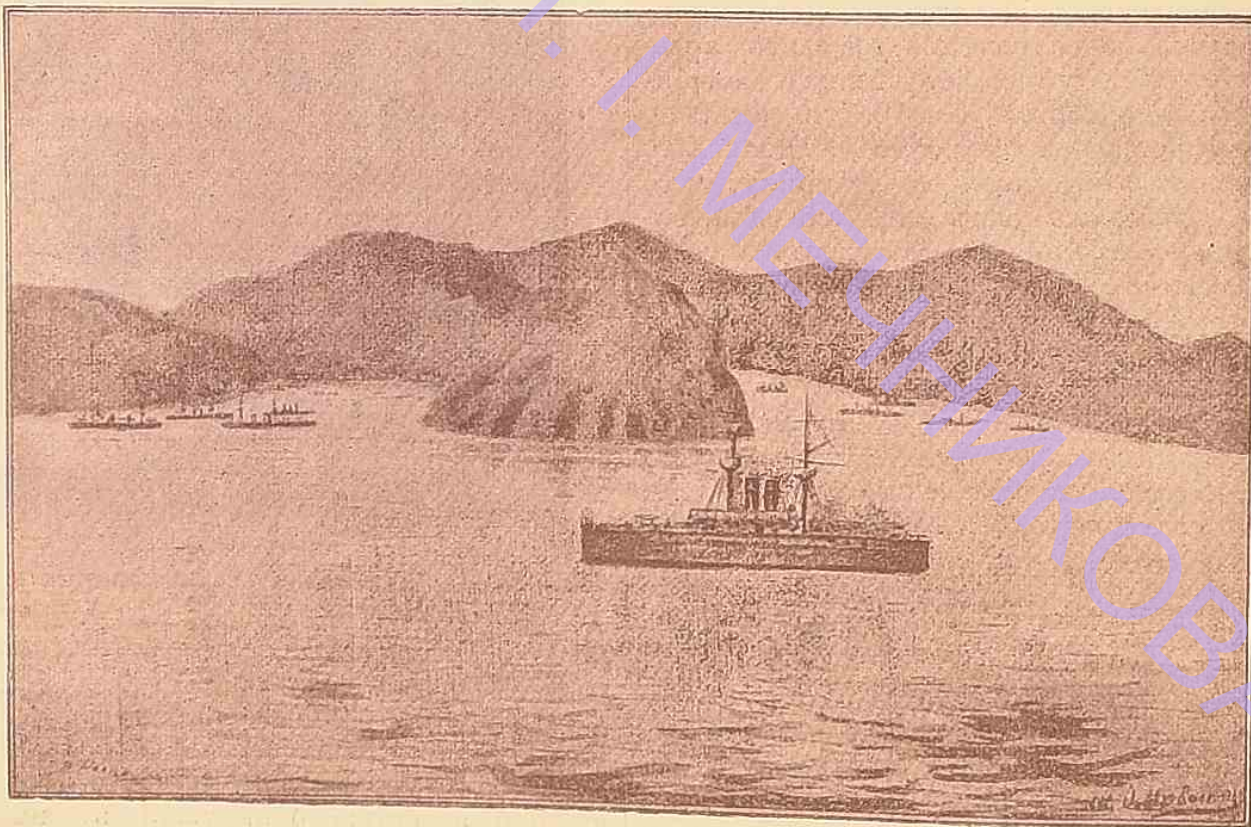
Русское населеніе Портъ-Артура увеличивается, и недалеко то время, когда китайскій портъ приметъ видъ русскаго города.

До сихъ поръ въ Портъ-Артурѣ высадилось 1,500 русскихъ. Въ Портъ-Артурѣ уже назначенъ губернаторъ, а именно—полковникъ Вогакъ, военный атташе русскаго посольства въ Пекинѣ. Назначеніе Вогака носитъ временный характеръ.

Генераль-лейтенантъ Сергѣй Михайловичъ Духовской, назначенный Туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

Цинкографія „Одес. Нов.“.

Портъ Талиенвань, присоединенный къ Россіи по договору съ Китаемъ.

Автотипія „Одес. Нов.“.

НАШИ ГОСТИ.

Русская драма въ Одессѣ. — Артисты труппы Н. Н. Соловцова.

Автотипія „Одес. Нов.“

РОГАТЫЕ ЛЮДИ.

Очеркъ д-ра Ж. Фино

(съ французскаго).

Мой знаменитый коллега Н., въ частной бесѣдѣ, недавно разсказалъ мнѣ слѣдующій эпизодъ изъ своей врачебной практики. Одна молодая и довольно хорошенъкая женщина нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ родила мальчика, у котораго на лбу оказался весьма замѣтный наростъ. Вначалѣ мать не придавала этому большого значенія, но, когда наростъ мало-по-малу принялъ форму бараньего рога въ 10 сантиметровъ длиною, то она впала въ ужасное отчаяніе. Мой другъ напрасно успокаивалъ ее, она была неутѣшна въ своемъ материнскомъ горѣ:

— За какіе грѣхи мои,—жалобно плакалась она,—судьба меня такимъ образомъ наказываетъ? Если я въ чемъ согрѣшила, то развѣ не могла

Франсуа Трульонъ.

она мнѣ послать ребенка горбатаго, хромого, слѣпого? За что же такая жестокая, варварская насмѣшка судьбы надо мною и надъ моимъ несчастнымъ, единственнымъ ребенкомъ?

И она заливалась горячими слезами, ревниво скрывая своего ребенка даже отъ глазъ самыхъ близкихъ ей людей.

— Но вы, можетъ быть, попытались-бы удалить это излишнее украшеніе? — замѣтилъ я своему коллегѣ, чтобы что нибудь сказать.

— Вы знаете такъ-же хорошо, какъ и я, что это бесполезно, такъ какъ оно не замедлитъ вырасти вновь.

При этомъ докторъ привелъ нѣсколько одно-

родныхъ случаевъ изъ практики извѣстныхъ врачей за послѣдніе годы. Оказывается, что эта уродливость встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ это обыкновенно думаютъ; но свѣдѣнія объ этомъ весьма рѣдко проникаютъ въ публику, потому что дѣти съ подобными наростами обыкновенно долго не выживаютъ.

Крестьянинъ у маркиза Лавердэнъ.

Было однако время, когда на человѣческіе рога смотрѣли совершенно иначе: ихъ считали величайшимъ украшеніемъ, атрибутомъ боговъ и героев. Александръ Великій, провозгласивъ себя сыномъ Зевеса, приказалъ, чтобы на всѣхъ монетахъ его царствованія его изображали съ рогами на лбу. На древнихъ изо-

Г-жа Дэви.

браженіяхъ Моисей представленъ съ парой роговъ, какъ символомъ его могущества и силы. Такими же рогами, какъ эмблемой царской власти, цари древней Индіи украшали свои короны. Даже сами боги языческіе, и въ томъ

Рогоносецъ XVIII столѣтія.

числѣ Юпитеръ, Панъ и Астарта, богиня Тирійцевъ, изображались рогоносцами.

Но съ теченіемъ времени рога перестали служить символомъ силы. Какой-то внезапный,

необъясненный еще до сихъ поръ поворотъ идей привелъ къ тому, что человѣческіе рога, изъ символа мужской силы и власти, стали эмблемой... супружеской нечѣстности.

А между тѣмъ съ самыхъ незапамятныхъ временъ люди носили рога, не только какъ тотъ или другой символъ, но и какъ природ-

Рогоносецъ Скалигера.

ное „украшеніе“. Thomas Bartolinus (*De unicorni. Observationes novae*, 1678) перечисляетъ цѣлый рядъ французовъ, которые въ семнадцатомъ столѣтіи показывали свои рога въ различныхъ городахъ Франціи. Въ журналѣ „De l'Estoire“ находимъ слѣдующее мѣсто:

„Однажды къ маркизу Лавердэнъ привели крестьянина, который ни за что не хотѣлъ снять своей непомѣрно-высокой шапки. Когда же ее сняли силой, то на лбу у него увидѣли красивый бараній рогъ. Маркизь отправилъ крестьянина къ королю (Генриху IV). Показавъ его всему своему двору, король „подарилъ“ крестьянина одному изъ своихъ конюховъ, который сталъ показывать его за деньги любопытнымъ парижанамъ. Несчастному рогоносцу пришлось столько выстрадать отъ насмѣшекъ, проклятій и физическихъ насилій, какъ конюха,

Родригесъ.

такъ и дикой парижской толпы, видѣвшей въ немъ чуть-ли не самого дьявола, что онъ умеръ молодымъ человѣкомъ. На могилѣ его, на одномъ изъ парижскихъ кладбищъ, красуется слѣдующая эпитафія:

„Dans ce petit endroit à part
„Gît un très singulier cornard,
„Car il le fut sans avoir femme.
„Passant, priez Dieu pour son âme!“

Тотъ же Bartolinus видѣлъ въ 1646 году въ Голландіи женщину, у которой съ правой стороны головы былъ рогъ длиною въ 16 сантиметровъ. Эту же женщину видѣли и Urstadius, и Jacob Geschius, и Эхенштейнъ, о чемъ они свидѣтельствуютъ въ своихъ сочиненіяхъ. Де-

„Въ этомъ уединенномъ уголку покоится прахъ одного удивительнаго рогоносца, ибо былъ онъ таковымъ — не имѣвъ жены. Прохожій, молись за упокой его души!“

Гильденъ рассказываетъ объ одной молодой дѣвушкѣ, у которой спина, руки и ноги были покрыты многочисленными прямыми рогами. Профессоръ Гешль пользовалъ молодого человека, у котораго было 16 роговъ. Въ *Dictionnaire Encyclopédique des sciences médicales*, t. XX, s. I, д-ръ Веструмпъ подробно описываетъ одного необыкновеннаго роконосца, съ двумя толстыми и длинными, въ 14 дюймовъ, *вытиснутыми* рогами на темени и сбоку головы. Въ *Бюллетенѣ парижскаго хирургическаго общества* за 1863 г. (т. III, стр. 552) напечатанъ докладъ д-ра Demarquay объ одной женщинѣ, на правой рукѣ у которой былъ настоящій бараний рогъ длиною въ 20 сантиметровъ.

Вдова Диманшъ.

Въ общемъ число подобныхъ наблюдений столь велико, что фактъ весьма перѣдкаго существованія рогатыхъ людей является вполне безспорнымъ. Вильневъ, который специально занимался этимъ вопросомъ, насчитываетъ семьдесятъ одинъ случай рогатости у людей въ одной лишь современной ему практикѣ.

Изобрѣтательная и капризная природа снабжаетъ этими украшениями даже такіа части человѣческаго тѣла, которыя, повидимому, меньше всего въ нихъ нуждаются. Такъ, Скалигеръ наблюдалъ рогъ на спинѣ одной служанки, а Брэнъ упоминаетъ объ одной женщинѣ, у которой рогъ выросъ... на языкѣ.

Возрастъ въ данномъ случаѣ не играетъ никакой роли. Веслингъ оперировалъ рогъ у одной 60-лѣтней монахини. Въ одной изъ париж-

Рогоносецъ съ Золотого Берега.

скихъ больницъ долгое время жила старуха, у которой на лбу былъ рогъ въ 6—7 дюймовъ въ діаметрѣ и въ 5 дюймовъ вышины. Дюмонсо (*Breschet, Dictionnaire de médecine* 1835, г. IX) перечисляетъ нѣсколько случаевъ рогатости у старухъ. Однородныя наблюденія сдѣланы были и д-рами Реноло, Фойхтелемъ, Северномъ, Делешавомъ и Бартоломъ, — одними только французскими врачами, не говоря уже о другихъ.

Замѣчательно, что, въ то время, какъ рогатость, въ вулгарномъ значеніи этого слова,

составляетъ исключительную привилегію мужчинъ, дѣйствительные рога чаще всего встрѣчаются у женщинъ. Мало того, женскіе рога сплошь и рядомъ длиннѣе и солиднѣе мужскихъ. Въ Британскомъ музеѣ, въ Лондонѣ, хранится величайшій изъ извѣстныхъ человѣческихъ роговъ; онъ имѣетъ около 20 сантиметровъ въ длину и украшалъ собою лобъ одной аристократической англичанки конца прошлаго столѣтія. Такихъ же размѣровъ и тотъ рогъ, который принадлежалъ г-жѣ Диманшъ и нынѣ хранится въ парижскомъ естественно-историческомъ музеѣ. Клоке, Дюмонсо и Фойхтель

Рогатый башмачникъ, упоминаемый Викъ д'Азиромъ.

даютъ въ своихъ трактатахъ подробное описаніе нѣсколькихъ женскихъ роговъ, размѣрами своими не уступающихъ бараньимъ и козьимъ.

Любопытное исключеніе изъ этого правила представлялъ изображенный на нашемъ рисункѣ мексиканецъ Родригесъ, котораго рогъ имѣлъ 18 сантиметровъ въ длину, при двухъ развѣтвленіяхъ. Соперникомъ его былъ французъ Франсуа Трульонъ, который весьма гордился своимъ красивымъ рогомъ, придававшимъ его лицу довольно воинственное выраженіе.

Но эти два роконосца не выдерживаютъ сравненія ни съ г-жей Лейгестершайръ, ни съ хорошенькой Мэри Дэви, — портреты которыхъ мы воспроизводимъ здѣсь съ старыхъ английскихъ гравюръ. Первая изъ этихъ дамъ обладала парой кокетливыхъ рожекъ, на которые она съ гордостью смотрѣла, какъ на исключительное, дарованное ей Богомъ, украшеніе,

Г-жа Лейчестершайръ.

привлекавшее къ ней ея многочисленныхъ обожателей; вторая была одной изъ первыхъ красавицъ своего времени, счастливой супругой и матерью четырехъ совершенно здоровыхъ дѣтей; ея рога четыре раза были срѣзываемы и удостоились чести быть представленными королю Генриху IV.

Въ западной Африкѣ, по словамъ многочисленныхъ путешественниковъ, по настоящее время существуютъ нѣкоторыя негритянскія племена, среди которыхъ рогатые мужчины и женщины вовсе не составляютъ особаго исключенія. Портретъ одного изъ такихъ негровъ мы

воспроизводимъ здѣсь изъ описанія путешествія Ламира, совершеннаго 1887 г.

Зоологи самымъ положительнымъ образомъ убѣждаютъ, что рога изрѣдка встрѣчаются и у нѣкоторыхъ безрогихъ животныхъ. Евсевій Нюрнбергскій, Конрадъ Фюреръ, Бартоломъ и Реноло видѣли рога у собакъ, у лошадей и у зайцевъ, а Веллсвьеръ упоминаетъ даже объ одной рогатой кошкѣ.

Всевозможныя попытки различныхъ ученыхъ объяснить происхожденіе человѣческихъ роговъ до сихъ поръ ни къ чему не привели. Приходится думать, что это одна изъ тѣхъ необъяснимыхъ тайнъ природы, въ сущность которыхъ человѣку едва-ли когда удастся проникнуть. Эта повидимому совершенно случайная игра природы является внезапно, безъ всякихъ предрасполагающихъ причинъ, и съ той же неожиданностью и таинственностью исчезаетъ. Несомнѣнно одно, что эти экстраординарныя украшенія человѣческаго тѣла не представляютъ ни малѣйшей опасности не только для жизни, но и для здоровья одаренныхъ ими смертныхъ, не причиняютъ никакой боли и не влекутъ за собою ни малѣйшей психической аномаліи. Многочисленные роконосцы, извѣстные въ наукѣ, все, безъ исключенія, были люди вполне нормальные, какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Значительный же процентъ самоубійцъ между ними объясняется единственно лишь тѣмъ упоминутымъ нами въ началѣ этого очерка предразсудкомъ, по которому на эту безвредную игру природы люди почему-то смотрятъ, какъ на особую кару Божию.

Замѣчательная татуировка.

На воспроизведенныхъ нами въ настоящемъ номерѣ съ фотографическихъ снимковъ двухъ изображенійхъ представленъ молодой американецъ, съ большимъ искусствомъ татуированный по груди, рукамъ и спинѣ. Татуировка эта состоитъ изъ художественно исполненныхъ фигуръ, съ помощью тонкихъ иголокъ, прочно втравленныхъ въ кожу; красящими веществами въ данномъ случаѣ служили черная китайская тушь и киноваръ. Контуры рисунковъ состоятъ не изъ пунктира или отдѣльныхъ штриховъ (какъ это практикуется татуировщиками-дикарями), а изъ сплошныхъ линій, протравленныхъ иглой точно такъ же, какъ если-бы рисунокъ былъ сдѣланъ карандашомъ по бумагѣ; отдѣльныя фигуры, затѣмъ, представляютъ не абрисы только, а настоящіе рисунки, исполненные по всѣмъ правиламъ заправской живописи. Самыя очертанія сдѣланы черною тушью, которая въ кожѣ получаетъ голубоватый отливъ; очерченные-же мѣста заполнены, смотря по характеру рисунка, то той же тушью, то киноварью, а то и той, и другой вмѣстѣ. Искуснымъ сочетаніемъ этихъ трехъ цвѣтовъ—чернаго съ голубымъ и краснымъ—татуировщикъ удалось достигнуть такого художественнаго эффекта, что фигуры на тѣлѣ молодого американца дадутъ полную иллюзію написанной по полотну картины.

ПО ХОЗЯЙСТВУ.

Бронза чистится лучше всего щеткой съ водой, въ которой варилась горохъ, чечевица и бобы. Эта вода прекрасно отмываетъ нечистоты, въ силу обилія содержащихся въ ней щелочей; послѣ чистки щеткой достаточно сполоснуть чистой водой и вытереть до суха мягкимъ полотенцемъ. Другой способъ чистки бронзы (золоченой) состоитъ въ томъ, что ее отмываютъ губкой, намоченной въ теплой водѣ съ растворомъ въ ней личнымъ мыломъ, послѣ чего споласкиваютъ и, не вытирая вещи, оставляютъ ее высохнуть въ тепломъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь около печи.

Средство противъ выпаденія волосъ.—Шесть частей говяжьихъ мозговъ очистить отъ пленокъ, положить въ каменный муравленый горшокъ, прибавить къ нему, взбивая какъ можно лучше, одну часть свѣжаго кастороваго масла и одну часть хорошаго бѣлаго рому и нѣсколько капель какой-нибудь ароматической эссенціи.

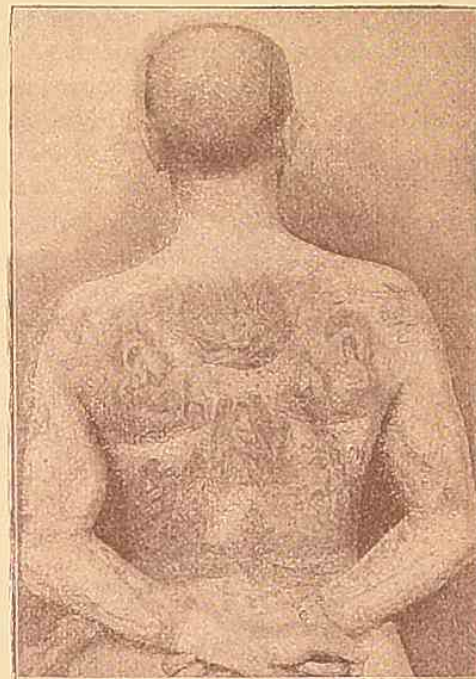
Опредѣленіе сырости въ квартирѣ.—Въ большей части случаевъ трудно опредѣлить на взглядъ, есть-ли сырость въ комнатѣ, или ея нѣтъ, такъ какъ квартира можетъ быть сыра и въ то же время не представлять ни малѣйшихъ слѣдовъ плѣсени. Слѣдующее средство служить для безошибочнаго рѣшенія этого весьма важнаго въ гигиеническомъ отношеніи вопроса. На середину комнаты слѣдуетъ положить 5 фунтовъ (точно взвѣсивъ) свѣжегашенной извести, предварительно герметически закрывъ всѣ окна и двери. По истеченіи сутокъ, должно взвѣсить известь, и если въ ней прибавилось вѣса на 5 золотниковъ, т. е. болѣе чѣмъ на 1%, то комната сыра и безусловно вредна для здоровья.

Вещи изъ легкихъ шелковыхъ матерій моются слѣдующимъ образомъ. Намыливъ ихъ въ холодной водѣ, ихъ прополаскиваютъ и выжимаютъ. Въ полведра воды бросаютъ затѣмъ горсть отрубей, ставятъ воду на огонь, и когда она хорошо вскипитъ, то ее процеживаютъ и въ освобожденный отъ отрубей кипятокъ бросаютъ на четверть часа шелковыя вещи. Затѣмъ ихъ выжимаютъ, развѣшиваютъ, и когда онѣ еще полувлажны, гладятъ.

Для вывода чайныхъ пятенъ смачиваютъ запятнанную вещь холодной водой и натираютъ ее комочкомъ сырого картофельнаго крахмала. Пятно становится послѣ этого темно-лиловымъ; затѣмъ его прополаскиваютъ водою и снова натираютъ такимъ же крахмаломъ. При новомъ прополаскиваніи пятно исчезаетъ, послѣ чего вещь моютъ въ водѣ съ мыломъ. Если пятно очень велико и застарѣло, то натирание крахмаломъ и прополаскиваніе придется повторить нѣсколько разъ.

Татуированный американецъ.—Автоматія „Одес. Нов.“

Разныя разности.

Во что обходится война. Въ виду многочисленныхъ толковъ о предстоящихъ войнахъ между великими державами на Дальнемъ Востокѣ, а равно и между Испаніей и Соединенными Штатами, весьма интересными являются свѣдѣнія о стоимости нѣкоторыхъ войнъ, сообщаемыя нѣмецкими газетами. Послѣдняя Кубанская война обошлась Испаніи въ 300 милліоновъ рублей, и это въ такой мѣрѣ истощило ея финансы, что, въ случаѣ новой войны ея съ Соединенными Штатами, она неминуемо должна обанкротиться. Четырехлѣтняя междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ стоила 22 милліарда, причемъ сѣверные штаты потеряли 305.000, а южные—480.000 человекъ. Франко-Прусская война 1870/1871 г. обошлась Франціи въ 13 милліардовъ франковъ, съ потерей 300.000 человекъ. Послѣдняя четырехмѣсячная война съ Турціей стоила Греціи около 250 милліоновъ и окончательно ее разорила. Въ виду этихъ краснорѣчивыхъ цифръ, неудивительно, что различные правительства изыскиваютъ всевозможныя мѣры, дабы избѣжать столь разорительныхъ и гибельныхъ для націй войнъ.

Объемъ человѣческаго голоса. По точнымъ изслѣдованіямъ французскихъ ученыхъ оказывается, что человѣческій голосъ въ состояніи произвести семнадцать съ половиною трилліоновъ звуковъ, или, точнѣе, 17.592.186.044.415 вибрацій. Въ виду этого становится исполнѣ понятнымъ, почему нѣтъ двухъ голосовъ, совершенно

тождественныхъ. Четыре мускула, дѣйствующихъ непосредственно на голосовыя связки, даютъ 16.383 звука, въ то время, какъ тридцать другихъ мускуловъ, съ посредственнымъ дѣйствіемъ, производятъ 173.741.823 звука. Эти 44 мускула, комбинируя свое дѣйствіе, издаютъ то неимоверное количество звуковъ, которое приведено выше. Сила человѣческаго голоса, или его регистръ, какъ музыканты выражаются, т. е. объемъ охватываемыхъ имъ звуковъ, колеблется у разныхъ лицъ между одной и тремя октавами. Мужской голосъ на одну октаву ниже (глубже) женскаго, который, въ свою очередь, на такую же октаву выше (громче, рѣзче) мужского. Эта разница происходитъ отъ того, что у мужчины гортань шире и голосовыя связки длиннѣе, чѣмъ у женщины.

Обѣды по телефону. Во многихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ главныя церкви имѣютъ телефонныя аппараты. Частныя лица могутъ абонироваться за извѣстную годовую плату и слушать обѣды и проповѣди, сидя въ своей гостиной. Въ городской больницѣ Норристонна, въ штатѣ Нью-Джерси, пользуются тѣмъ же телефономъ для того, чтобы дать возможность больнымъ, которые не могутъ вставать съ постели, слушать обѣдню. Переносный телефонный аппаратъ, соединенный съ церковью, приносятъ къ самой постели больного, которому остается лишь приложить къ уху трубку телефона, чтобы слушать все богослуженіе или проповѣдь.

ОДЕССА
Пушкинская, 20.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Южно-Русское Общество Печатнаго Дѣла.

ТЕЛЕФОНЪ
№ 445.ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ
ПЕРЕПЛЕТНАЯ МАСТЕРСКАЯ
Пушкинская, № 20.

Пріемъ всевозможныхъ заказовъ, относящихся къ графическимъ искусствамъ. Въ позолотной мастерской исполняются роскошные переплеты и папки для альбомовъ.

Исполненіе скорое и изящное.

Цѣны умѣренныя.

Книжные магазины Общества

1) Пушкинская, № 20,—2) Дерибасовская, домъ Новикова.

Большой выборъ книгъ для дѣтей всѣхъ возрастовъ. Произведенія лучшихъ авторовъ для народнаго чтенія.

Учебники и учебныя пособія.

Полныя собранія сочиненій: Бѣлинскаго, Добролюбова, Короленко, Островскаго, Писарева, Толстого, Тургенева и друг. русскихъ и иностранныхъ писателей.

Собственныя изданія Общества

(Главный складъ: гор. Одесса, Пушкинская, 20).

В. Н. Жука Цѣна 1 руб.
(автора книги: РЕБЕНОКъ въ папкѣ 1 р. 20 к.
„Мать и Дитя“) въ перепл. 1 р. 50 к.„Библиотека Общественныхъ Знаній“ (18 выпускъ.
Ц. отъ 15 к. до 50 к. за вып.)„Народная Библиотека В. Н. Марануева“ (12 вып.
Ц. отъ 3 до 35 коп. за вып.)Дѣтская Библиотека Н. Г. Вучетича (6 вып. Ц.
отъ 15 к. до 30 к. за вып.)

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ:

Бани и Ванны, В. И. Зуева, съ 65 рис. и черт. Ц. 2 р.

Повторительный курсъ ботаники, проф. Гавзена
пер. Вахтеля, для натуралистовъ, медик. и фармацевтовъ. Ц. 1 р. 50 к.

В. А. Кольцовъ, съ порт. и рис. въ текстѣ. Ц. 10 к.

Склады всѣхъ сортовъ бумагъ для Типо-Литографій, Канцелярскія и Конторскія Принадлежности.